
Т. К. ШАФРАНОВСКАЯ

О СОКРОВИЩАХ ПЕТРОВСКОЙ КУНСТКАМЕРЫ

(по рисункам XVIII века)

В Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР хранятся пять прочных картонных коробок, по своему внешнему виду напоминающих тома больших книг прошлых веков. Крышки коробок обтянуты кожей с золотым тиснением: двуглавый орел, окруженный виньеткой. Такое же тиснение наносилось на переплеты книг Библиотеки Академии наук в 1741—1761 гг. Очевидно, коробки были изготовлены в эти годы.

На коробках — шифры Архива Академии наук, введенные в XX в. (разряд IX, опись 4, № 1—758).

В этих коробках хранятся акварельные рисунки экспонатов Кунсткамеры Петербургской Академии наук — всего 758 рисунков. Большинство их нанесено на листы белой бумаги размером 35 на 23—24 см.

Рисунки выполнены в 1732—1752 гг. Надписей на них очень мало. Почти на каждом листе указывается в левом нижнем углу место хранения зарисованного экспоната: Scrip (шкаф.—Т. III.). XVIII, № 27. Затем на обороте каждого листа обозначен общий порядковый номер листа в соответствии с его местом в коробках. Лишь на некоторых листах имеются подпись художника и иногда дата выполнения рисунка: число, месяц, год.

Судя по этим надписям, рисунки, хранящиеся в первых четырех коробках, выполнены в 1730, 1732, 1734 и 1735 гг., а в последней, пятой коробке — в 1749, 1751, 1752 и 1753 гг. Листы в коробках сложены более или менее по коллекциям, находившимся в Кунсткамере: китайские, индийские и японские вещи, сибирские древности, алеутские вещи, одежда вотяков (удмуртов), черемисов (мари), «монстры» из анатомической коллекции, жуки, бабочки из зоологической коллекции и т. д.

Изучение некоторых датированных рисунков приводит к выводу, что и недатированные рисунки относятся к тем же годам. Очевидно большинство или значительная часть рисунков экспонатов каждой коллекции выполнялись одним художником, который не подписывал всех своих работ, а только некоторые листы, и еще реже указывал даты выполнения рисунков.

Приведенные сообщения дают основание считать, что зарисовка экспонатов Кунсткамеры проводилась в два приема: часть рисунков была выполнена в 1732—1735 гг., затем работы были прерваны и возобновились лишь в 1749—1752 гг.

Рисунки 1732—1735 гг. особенно ценны, так как они дают представление об экспонатах, находившихся в Кунсткамере до пожара.

Известно, что Петровская Кунсткамера — ныне Музей антропологии и этнографии АН СССР — была основана в 1714 г. К этому году личное собрание редких вещей и библиотека Петра I, а также анатомические и зоологические коллекции, хранившиеся в Аптекарской канцелярии, были перевезены из Москвы в Петербург и помещены в Летнем дворце¹. В начале 1719 г. коллекции разместили в «Кикиных палатах». С этого времени музей был открыт для посетителей. После учреждения Академии наук в 1724 г. первый русский музей передается в ее ведение и становится подлинным научным центром. Новое здание для музея на стрелке Васильевского острова было построено в 1718—1728 гг. В ночь на 5 декабря (по старому стилю) 1747 г. здание библиотеки Академии наук и академического музея Кунсткамеры было уничтожено пожаром. В «Санкт-Петербургских ведомостях» 8 декабря 1747 г. сообщалось: «В прошлую субботу поутру в пятом часу учинился в палатах императорской Библиотеки и Кунсткамеры под кровлею пожар, который через малое время так сильно распространился, что никоим образом не возможно стало палат спасти, а особливо как огонь до башни добрался и оную обхватил...»².

Хотя здание, как указывалось в газете, пострадало от огня очень сильно, но «скорою помощью, которая от всех сторон воспоследовала и особливо от Шляхетного кадетского корпуса», многие музейные экспонаты — «...анатомические препараты и находившиеся в Кунсткамере звери, птицы, рыбы и прочие натуральные вещи, также печатные и рукописные книги из Библиотеки» были «все благополучно вынесены и спасены».

В «Санкт-Петербургских ведомостях» администрация Академии пыталась преуменьшить размеры потерь, понесенных музеем, однако все же вынуждена была констатировать, что сгорели астрономические инструменты, находившиеся в башне, пострадал громадный Готторпский глобус. «...Главнейшие утраты», — указывает газета, — состояли и «в некоторых китайских вещах, платье, идолах и подобных курioзностях сибирских народов». Эти этнографические коллекции хранились на галереях большого зала музея (западный флигель здания), охваченных огнем в первую очередь.

Через несколько лет И. Бакмейстер писал, что пожар произошел от несчастного случая («от сделавшейся расселины на трубе»), и библиотеку удалось спасти, «ибо успели еще выкидать книги из окон»³.

Но музей понес «превеликий урон»: «Почти все, что находилось в галерее и во втором ярусе (этаже), или сгорело, или испорчено, или перебито было»⁴. Описание пожара И. Бакмейстер заканчивал такими словами: «С каким прискорбием смотреть было должно на толкое множество разбросанных и в грязь помешанных пребогатых вещей»⁵.

Свидетелем пожара был М. В. Ломоносов. В Записке «История академической канцелярии» он сообщал: «Погорело в Академии, кроме немалого числа книг и вещей анатомических, вся галерея с

¹ Т. В. Станюкович, Кунсткамера Петербургской Академии наук, М.—Л., 1953, стр. 21.

² «Санкт-Петербургские ведомости», 8 декабря 1747 г., № 98.

³ «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской имп. Академии наук, изданный на французском языке Иоганом Бакмейстером подбиблиотекарем Академии наук, а на российский язык переведенный Васильем Костыковым», [СПб.], 1779, стр. 39—40.

⁴ Там же, стр. 127.

⁵ Там же.

сибирскими и китайскими вещами»⁶. Причиной пожара Ломоносов считал неисправность печей и дымоходов.

«Разные были о сем пожаре рассуждения,— писал Ломоносов,— говорено и о Герострате, но следствия не произведено никакого»⁷. По словам Ломоносова, истинные потери скрывались.

О большом уроне свидетельствовали и донесения лиц, ответственных за различные отделы музея. В них также указывалось, что от

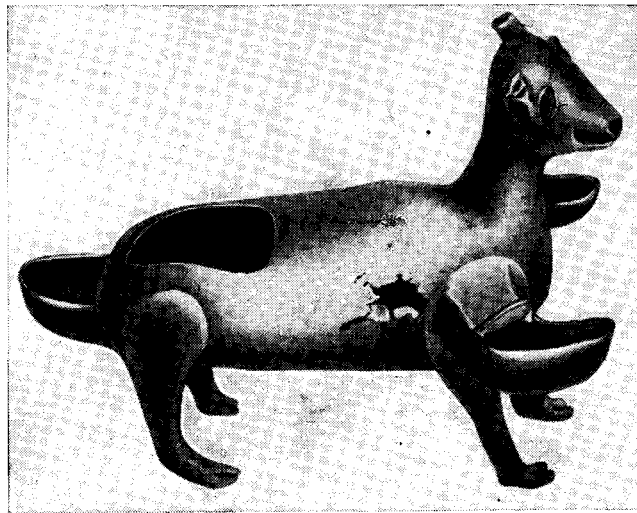

Рис. 1. Зооморфный сосуд. Рис. И. Соколова

огня погибли галерея и находившиеся там этнографические коллекции: «разные китайские вещи, платье сибирских разных народов, их идолы, бубны и им подобные вещи»⁸.

Сохранившееся имущество сложили в уцелевших частях пострадавшего здания, в соседнем здании Академии и в доме Строгановых. Для охраны вещей было установлено пятнадцать сторожевых постов.

Затем для библиотеки и Кунсткамеры был предоставлен дом дворян Демидовых, находившийся, как и дом Строгановых, на стрелке Васильевского острова. Жильцы дома Демидовых были выселены, помещение — почищено, побелено.

Здание библиотеки и музея, пострадавшее от пожара, восстанавливалось очень медленно. Лишь в 1776 г. музей и библиотека были переведены из дома Демидовых в восстановленное здание и открыты для обозрения.

После пожара последующим поколениям вряд ли удалось бы в точности установить, какие вещи были в начале XVIII в. в Кунсткамере и как они выглядели, если бы не было рисунков. Цель настоящего сообщения — дать на основании рисунков представление об экспонатах Кунсткамеры в период до пожара 1747 г.

Большинство рисунков выполнено акварелью. Краски хорошо сохранились. На рисунках экспонаты воспроизведены с большой точностью, художники старались передать их многочисленные мелкие

⁶ П. С. Билярский, Материалы для биографии Ломоносова, СПб., 1865, стр. 062.

⁷ Там же.

⁸ «Материалы для истории имп. Академии наук» (далее: «Материалы...»), т. VIII, СПб., 1895, стр. 619.

детали. Точность рисунков подтверждается и указанными в некоторых случаях размерами экспонатов. Значительная часть рисунков выполнена мастерски и удачно передает фактуру материала (ткань, мех, дерево, фарфор и т. д.), часть рисунков слабее.

Рис. 2. Бронзовая статуэтка всадника скифского времени. Семипалатинск.
Рис. Г. Качалова

Рис. 3. Серебряный сосуд из сибирских погребений с изображением кочевников

На некоторых рисунках имеются подписи художников: Григорий Абумов, Франц Бернц, Иоганн Бергхан, Никита Болотов, Андрей Греков, Петр Ермолаев, Григорий Качалов, Филипп Маттарнови, Михаил Махаев, Степан Нартов, Яков Нечаев, Еким Петров, Андрей Поляков, Максим Рыков, Михаил Семенов, Иван Соколов, Еким Терентьев.

Поскольку не все рисунки подписаны, нельзя утверждать, что все они принадлежат перечисленным мастерам. Возможно, некоторые рисунки выполнялись и другими художниками, вернее всего молодыми, обучавшимися в Академии наук.

При Академии наук в то время существовали так называемые «палаты»: рисовальная, «грыдорованная» (гравировальная), лаборатория механических дел в токарной мастерской. Перечисленные нами художники обучались либо работали в палатах или лаборатории. Непосредственно при Кунсткамере и библиотеке состоял с 1733 г. Андрей Греков, с 1735 г. Яков Нечаев, а с 1746 г. вместе с ними работал Иоганн Бергхан (Johann Christian Berckhan).

Жалованье художники получали небольшое, его не хватало на жизнь (казенную квартиру им предоставляла Академия)⁹. В 1740 и 1743 гг. многие художники жили в находившемся в распоряжении Академии доме графа Головкина¹⁰. Учеников

обучали гравированию на меди, а летом, в «длинные дни», они упражнялись в рисовании с натуры¹¹. Распорядок дня у них был очень строгий: «...приходить ученикам к живописному мастеру Георгу Гзелю,

⁹ «Материалы...», т. IV, СПб., 1887, стр. 233.

¹⁰ «Материалы...», т. V, СПб., 1889, стр. 298—300; стр. 498—499.

¹¹ Там же, стр. 555.

выключая воскресные и праздничные дни, летом — после полуночи в шестом часу, а пообедав, приходиться ко учению в начале третьего часа и обучаться даже до восьмого часа...»¹². Зимой ученье начиналось в восемь часов, а кончалось в шесть. В случае, если ученики не посещали занятий, у них не только удерживали часть жалованья, но и штрафовали их.

В 1737 г. за хорошие успехи в гравировании, рисовании и за приглашение учеников Андрея Грекова, Франца Бернца (Franz Berntz), Григория Качалова, Филиппа Маттарнови, Ивана Соколова произвели «в подмастерья»¹³. Дел у художников было множество: они «режут на меди портреты, фейерверки, ландшафты, ландкарты, и прочее, а притом живого человека рисуют»¹⁴. Например, Иван Соколов в 1743 г. вырезал на медной доске портрет Петра I¹⁵. Михаил Махаев занимался гравированием видов Петербурга¹⁶. Кроме того, Франц Бернц, Андрей Греков, Григорий Качалов, Яков Нечаев, Андрей Поляков, Иван Соколов преподавали рисование в академической гимназии.

Приведем некоторые сведения об отдельных художниках и их рисунках с экспонатов Кунсткамеры, опуская тех, кому принадлежат 1—2 рисунка. 24 рисунка (самое большое количество) подписано Григорием Абумовым. Рисовал он самые различные вещи из Кунсткамеры: татарские и персидские ножи с ножнами (№ 100, 167), тунгусские деревянные чаши (№ 359—363, 365—366), деревянные и каменные четки (№ 313, 493—495, 549) и т. д. По академическим архивным материалам мы узнаем о печальной судьбе художника: с 1733 г. он обучался рисованию и гравированию при Академии наук, его считали хорошим учеником, но затем он начал пить и кончил жизнь трагически — в 1745 г. утонул в Неве¹⁷.

В архивных документах содержатся указания о рисунках «кунсткаморских вещей» Иоганна Бергхана. Этого художника после возвращения из Камчатской экспедиции (он работал под руководством Г. Ф. Миллера) «определили» в 1746 г. «за его в Камчатской экспедиции труд и беспорочную службу... для рисования и малевания при кунст-каморе натуральных вещей...». Называли его «маляр зверей и цветов». Действительно, на большинстве рисунков, подписанных Бергханом (всего их сохранилось 22), изображены ящерицы,

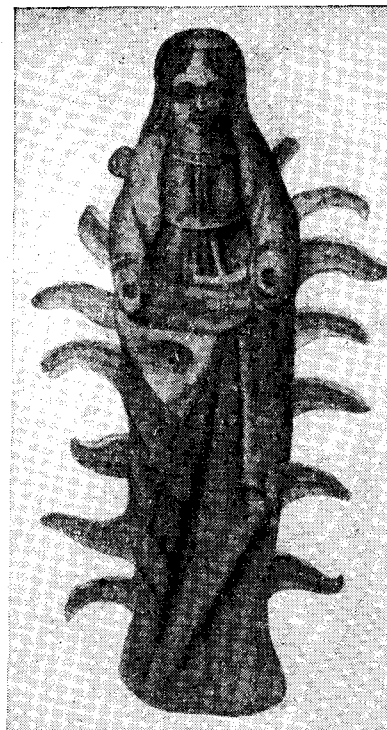

Рис. 4. Статуэтка богини. Семипалатинск. Рис. А. Полякова

¹² «Материалы...», т. I, СПб., 1885, стр. 533.

¹³ «Материалы...», т. III, СПб., 1886, стр. 520.

¹⁴ «Материалы...», т. VII, СПб., 1895, стр. 580—581.

¹⁵ «Материалы...», т. V, стр. 601.

¹⁶ «Материалы...», т. IX, СПб., 1897, стр. 203.

¹⁷ «Материалы...», т. II, СПб., 1886, стр. 308; т. V, стр. 553; т. VII, стр. 654—655.

змеи, птицы. Сохранилось указание, относящееся к 1747 г.: ...«живописцу Бергхану имеющееся на верхней галерее платье азиатских народов срисовать с колерами...»¹⁸. Есть и неподписанные рисунки одежды народов Дальнего Востока. К сожалению, по имеющимся материалам не представляется возможным установить, принадлежат ли они Бергхану. В 1748 г. он рисует чучело двухголового теленка-монстра, присланного из Сибири¹⁹. Рисунок № 583, изображающий двухголового теленка, не подписан, но, судя по архивным данным, он выполнен Бергханом.

Всего два рисунка подписаны Андреем Грековым. Это препарат большой жабы и препарат суринамской жабы (№ 706, 714), о кото-

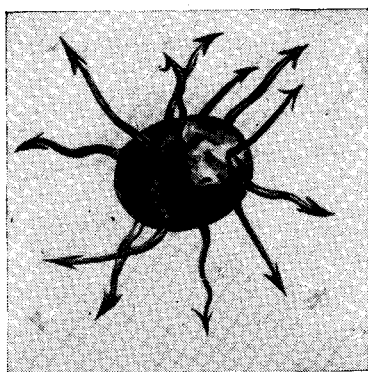

Рис. 5. Медное ядро

рой О. Беляев пишет, что она «вылупляет детей своих из спины»²⁰. О деятельности А. Грекова сохранилось много данных. Известно, что он работал при Кунсткамере и библиотеке с 1733 по 1750 г. и, как он сам заявлял, «...в бытность свою разные кунст-каморские вещи довольно число рисовал...»²¹. Так, в 1739 г. он рисовал курицу-монстра²², в 1746 г. — двух сросшихся ягнят²³ и т. д. Очевидно, некоторые рисунки Грекова либо не дошли до нас, либо не были им подписаны.

Петр Ермолаев (хранятся 16 его рисунков) и Михаил Семенов (4 рисунка) были учениками в лаборатории механических дел. О них говорилось: «...и труд свой полагали всегда безотлучно, на что

явствует в Кунсткамере рисованные их с перспективами чертежи с данных им от Академии де сианс глобусов и протчих механических инструментов»²⁴.

На большинстве рисунков Григория Качалова (5 рисунков) и Ивана Соколова (6 рисунков) встречаются изображения сосудов, светильников и урн из сибирских погребений. Эти вещи поступили в Кунсткамеру в 1727 г. от Д. Г. Мессершмидта после его восьмилетней поездки по Сибири. Филипп Маттарнови (Philippus Maternovis, 3 рисунка) изобразил на своих листах своеобразный водолей сасанидского круга, статуэтку всадника скифского времени (№ 249, 251) тоже из коллекции Мессершмидта.

Ландкартного дела подмастерье Михаил Махаев (16 рисунков), известный своими замечательными перспективами (ведутами) Петербурга, срисовывал в Кунсткамере сибирские древности и китайские вещи. О Якове Нецаеве — ученике «рисовального и живописного художества» известно, что он был «лучшим рисовальщиком»²⁵ и подавал как художник большие надежды. С 1735 г. он обучался у Андрея Грекова «кунсткаморских вещей рисованию»²⁶. Ему при-

¹⁸ «Материалы...», т. VIII, стр. 441.

¹⁹ «Материалы...», т. IX, стр. 199.

²⁰ О. Беляев, Кабинет Петра Великого, СПб., 1800, стр. 38.

²¹ «Материалы...», т. VIII, стр. 551.

²² «Материалы...», т. IV, стр. 129.

²³ «Материалы...», т. VIII, стр. 29—30.

²⁴ «Материалы...», т. III, стр. 85.

²⁵ «Материалы...», т. V, стр. 552.

²⁶ «Материалы...», т. II, стр. 586.

надлежат 14 рисунков, в основном это китайские вещи. В 1744 г. его исключили из Академии²⁷. Сохранившиеся документы не сообщают причин исключения. Максим Рыков, как и Я. Нечаев, ученик «рисовального и грядоровального художеств», но о нем говорится, что рисовал он посредственно²⁸. По числу рисунков (22) он стоит на втором месте после Г. Абумова. Рыков работал над изображениями различных змей, ящериц, летучих мышей, кроме того, ему принадлежат рисунки рогов горного козла и заспиртованных крокодила и обезьяны (№ 718, 720). 15 рисунков подписаны Андреем Поляковым. Среди них — зарисовки предметов, принадлежащих индейцам Северной Америки, вещи калмыков и китайцев (№ 84, 300, 499—500).

Рисунки свидетельствуют прежде всего о том, что Кунсткамера для своего времени была действительно «чудес палата». Разнообразнейшие коллекции были собраны уже в самом начале XVIII в. Петр I, насаждавший в России просвещение, заботился и о накоплении коллекций в первом русском музее. Он сам привез первые экспонаты: полученную им в музее в Копенгагене половину окаменелого хлеба (другая половина осталась в Копенгагене) и деревянную обувь, которую носили датчане²⁹. Рисунки окаменелого хлеба и деревянной обуви сохранились (№ 321, 546). Во время похода в Персию Петр I не забывал о Кунсткамере и «указал отослать в Куншткамор для курьезите» деревянное блюдо с серебряным ключом города Дербента³⁰. Ключ так заинтересовал француза Обри де Ламотрэ, посетившего Кунсткамеру в 1726 г., что он его зарисовал для иллюстрации к своей книге³¹.

По приказу же Петра в музей были присланы медные ядра, которыми в 1723 г. стреляли кизылбаши у персидского города Зинзили (Энзели, на берегу Пехлевийского залива) по русским судам. Одно ядро даже попало в корабль³². Рисунки ядер сохранились (№ 561).

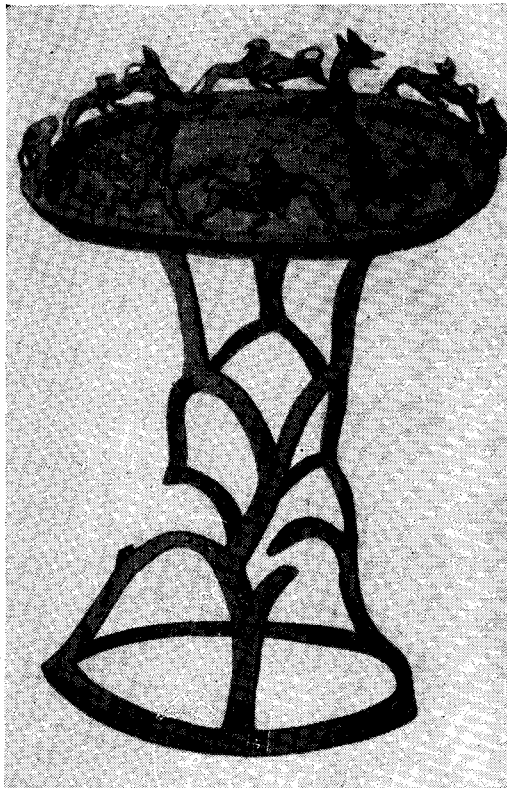

Рис. 6. Бронзовый жертвенник сако-усуньского времени

²⁷ «Материалы...», т. VII, стр. 10.

²⁸ «Материалы...», т. V, стр. 552.

²⁹ П. Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, СПб., 1862, т. I, стр. 54. См. также О. Беляев, Указ. раб., стр. 199.

³⁰ П. Пекарский, Указ. раб., стр. 56.

³¹ A. de la Motraye, Voyages en anglois et en françois en diverses provinces et places de la Prusse, de la Russie, de la Pologne etc., A la Haye, 1732, стр. 250.

³² «Материалы...», т. I, стр. 8.

Как «куриозные» вещи хранились в Кунсткамере лосевые перчатки с каплями крови Карла XII, золотой кубок, из которого Карл пил перед смертью, его шпоры и трость (№ 520, 521, 535, 544).

Петр I интересовался медициной и необыкновенными явлениями в природе, и по его указам собирались многочисленные монстры — уроды человеческие и животные (№ 571—582, 589—592). Богатым

Рис. 7. Вышитая женская одежда. Черемисы (марийцы)

было собрание всевозможных измерительных приборов (№ 596—625, 732—743). В Кунсткамере уже находились и зоологические коллекции, переданные в 1836 г. в ведение нового академического Зоологического музея. Судя по рисункам, зоологические коллекции в первой половине XVIII в. были чрезвычайно разнообразны. На рисунках изображены змеи, ящерицы, хамелеоны, жабы, крокодил, бабочки, кузнечики, а также рога различных животных и бивень нарвала (№ 626—731).

Не менее богаты были и этнографические коллекции. Петр I не просто собирал этнографические раритеты. В инструкциях для географических экспедиций в России, составлением которых он сам руководил, имеется ряд вопросов, связанных с этнографией и историческим прошлым изучаемого района. И. Д. Шумахеру, бывшему в 1721 г. за границей, вменено было в обязанность связаться с теми учеными, которые могли бы следить за заграничными аукционами для приобретения нужных книг и предметов в Кунсткамеру и библиотеку³³. В контракте же, заключенном с Д. Г. Мессершмидтом перед его поездкой в Сибирь, было прямо указано, чтобы он занимался не только географией страны, натуральной историей, но и описанием сибирских народов и филологией³⁴.

Рисунки свидетельствуют о том, что были собраны разнообразные предметы по быту и культуре народов европейской части России, Сибири и зарубежных стран. К сожалению, на рисунках нет надписей, указывающих, какому народу принадлежит нарисованный предмет, одежда, обувь и т. п. и из какого материала они изготовлены. Для восполнения пробела мы воспользовались первым печатным каталогом академического музея. В 1741 г. вышел второй том каталога: «*Musei imperialis Petropolitani*», vol. II. Pars prima, qua continentur res artificiales. Typis Academiae Scientiarum Petropolitanae, 1741.

³³ П. Пекарский, Указ. раб., стр. 52.

³⁴ Там же, стр. 353.

Выше уже упоминалось, что почти на каждом листе дается место хранения зарисованного экспоната. В каталоге под соответствующими номерами находятся точные описания по латыни этих предметов, их принадлежность тому или иному народу и нередко говорится и о материалах, из которых предметы сделаны. В каталоге, например, на стр. 132 под шифром «Scriin. XXI, № 56» написано: «сосуд с ручками, сделанный из металла, из сибирских погребений» и т. д. Путем сличения описаний в каталоге и рисунков удалось установить, что наиболее полно были представлены коллекции по быту и культуре народов Поволжья. На рисунках изображены мужские и женские татарские одежды с вышивкой, головные уборы, пояса, украшения, старинное оружие; на многих рисунках встречаются красивые вышитые платки с геометрическим орнаментом (№ 443—445, 468—476). Сохранилось много рисунков вышитой одежды черемисов (марийцев) — мужской и женской, их платков; имеются изображения чувашского головного убора, калмыцких ножей и сумок. Среди рисунков встречаются изображения различных украшений народов из прибалтийских провинций.

Рис. 8. Китайская лаковая ваза

Не менее интересны и богаты коллекции народов Сибири. В упоминавшемся собрании Д. Г. Мессершмидта имелись бронзовые клевцы, найденные в сибирских погребениях, кинжалы, наконечники стрел, железные стремена, металлические фигурки, украшения, бронзовые зеркала, глиняные сосуды. Очень много вещей тунгусов (эвенков). На рисунках изображены одежда тунгусов, их головные уборы из беличьего меха, рукавицы, пояс с прикрепленным к нему кошельком-огнивом (№ 420). Среди одежды особенное внимание привлекает костюм шамана с подвешенными фигурками идолов на груди и железными пластинами на рукавах (№ 425). Встречаются изображения шаманских бубнов с орнаментом, украшенных погремушками, трещотками (№ 354—358). Представлена также промысловая одежда ненцев из рыбьей кожи и их детская меховая одежда; одежда остяков (хантов), их накидки из перьев (№ 421); одежда ительменов и их головной убор. Своеобразна якутская меховая одежда с лентами (№ 393).

Разнообразны предметы из зарубежных стран: персидские ножи, обувь, перчатки; турецкие головные уборы, турецкий хлеб; испанское оружие; французская обувь; многочисленные вещи из Индии, Японии, Китая (керамика, фарфор, бронзовые изделия, одежда, обувь, украшения, оружие). Интересны индонезийские изделия из гвоздики. Богата алеутская коллекция: на рисунках изображены алеутские копья, метательные дощечки, стрелы, кожаные байдарки. Есть вещи из Южной Америки: женская одежда и обувь из Аргентины.

Таким образом, даже краткий обзор рисунков, сохранившихся в Ленинградском отделении Архива Академии наук, показывает, что коллекции Кунсткамеры в первой половине XVIII в. были богаты и

разнообразны. В Кунсткамере находились медицинские, зоологические, этнографические коллекции, а также всевозможные математические измерительные и другие инструменты.

Стоит напомнить о впечатлении от Кунсткамеры француза де Ламотрэ, осматривавшего ее в 1726 г., то есть спустя всего двенадцать лет после основания музея. В своих записках³⁵, сейчас забытых, Ламотрэ, подробно сообщая о посещении Кунсткамеры, говорит о ее многочисленных и разнообразных коллекциях, отдавая должное ее основателю — Петру I. Таким образом, свидетельство посетителя Кунсткамеры первой половины XVIII в. совпадает с тем впечатлением, которое производят рисунки экспонатов первых десятилетий деятельности нашего старейшего научного музея.

SUMMARY

The article describes the collection of 18th-century water colours presenting specimens from the Kunstkamera of the St. Petersburg Academy of Sciences. Of particular interest are those of the water colours which were made in 1732-1735, for they show specimens which were destroyed in 1747 during a fire.

³⁵ A. de la Motraye, Указ. раб.